

ОДИССЕЙ

2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Милосе архипелага

Древняя, византийская и турецкая
в архитектуре и в археологических
исследованиях

Архитектура и искусство в археологических
исследованиях — Пьеро Барбисси

Самуэль Габриэль и Пьеро Барбисси

PLAZZA

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК) .....

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ .....

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ....

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЬЮИ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ .....

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЬЮИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ .....

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ .....

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЯ .....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...” .....

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА) .....

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ” .....

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ? .....

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ) .....

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”** .....

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010) .....

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.) .....

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S 'NEW MAN': TWO UTOPIAS ....

E.Yu. Rogatchyova

'NEW PEOPLE FOR A NEW ERA': JOHN DEWEY'S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE 'NEW MAN' IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY .....

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS .....

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE'S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED .....

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE 18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY .....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL .....

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS .....

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S .....

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES' .....

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-CENTER SURVEYS) .....

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND THE 'POPULAR RELIGION' .....

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED? ....

M.Yu.I. Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE 'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS .....

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010) .....

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

“После того как я окончил учебу в Венгрии, посетил другие страны и университеты, где практиковал необходимые моему состоянию науки, образ жизни и языки, мне повезло получить приход лютеранского священника в комитате Пешт, затем я работал ректором в Есенаковском фонде в Прессбурге (совр. Братислава в Словакии. – *О.Х.*), потом отправился в Понделок, что в комитате Кишхонт, где двадцать лет преподавал учение Лютера, однако приложил усилия, чтобы познать истинный свет, к чему меня подвигло чтение многих римско-католических книг и сопоставление [теологических] аргументов. Ныне, благодаря приложенным усилиям и в особенности благодати Святого Духа, я просветился настолько, что 29 марта сего года в Прессбурге, у досточтимых отцов-иезуитов, в присутствии всех дворянских сословий я свободно и открыто отверг чуждое учение Лютера и присягнул истинной вере”¹. Такими словами в апреле 1762 г., спустя всего несколько недель после обращения в католичество, излагал историю своей жизни бывший лютеранский священник Янош Баптист Становский (ум. 1776), просивший императрицу Марию Терезию (1740–1780) поощрить его должностью сенатора или советника в городе Базин (совр. Пезинок в Словакии). Императрица удовлетворила его просьбу. Возможно, прислушавшись к совету влиятельных клириков и государственных мужей, причастных к торжественному акту крещения раскаявшегося грешника.

Во второй половине XVIII в. в монархии Габсбургов эпоха зрелищных обращений в католичество влиятельных аристократов-протестантов и скромных таинств крещения для простых подданных ушла в прошлое. Стало также очевидным, что скромного бюджета так называемой Конвертитской² кассы (*Konvertitenkassa*), созданной в 1720 г. по завещанию императрицы Магдалены Элеоноры Терезии и только к 1741 г. аккумулировавшей достаточный капитал, хватало лишь на несколько десятков скудных пенсий

беднякам, оказавшимся в поле зрения венского двора. И все-таки те, кто по морально-религиозным или сугубо прагматическим причинам вернулся в лоно Римско-католической церкви, по-прежнему считали, что этот, по сути глубоко личный, акт имеет социальное, даже политическое измерение, небезразличен властям и может быть с успехом обменен на монаршие милости.

К этому их подвигал, в том числе, опыт более ранней эпохи, которую в современной немецкоязычной историографии принято называть “конфессиональной” (“*das konfessionelle Zeitalter*”)³. В самом деле, в период с середины XVI до второй половины XVII в. религия, облеченная в узкие рамки той или иной христианской конфессии (католицизма, лютеранства, кальвинизма) играла определяющую роль в развитии Западной Европы раннего Нового времени⁴. В Англии, Франции и Священной Римской империи (и не в последнюю очередь во владениях Габсбургского дома) принцип “одно государство – одна религия” позволил верховной светской власти ослабить сословную оппозицию, инструментализировать церковь и дисциплинировать общество⁵.

В монархии Габсбургов светской власти в союзе с папским престолом удалось ко второй половине XVII в. консолидировать раздираемое глубокими противоречиями общество. В основе хрупкого социального мира эпохи Контрреформации лежал компромисс пока еще слабой центральной власти с заметно ослабленными сословиями. Как и повсюду в Европе, Контрреформация сопровождалась насильственным установлением католической конфессии как единственной официально признанной. Ее приметами стали добровольное или принудительное обращение в католицизм представителей всех социальных слоев, исход в протестантские страны тех, кто не желал поступаться принципами истинной, в их понимании, веры⁶. В то же время преследование отдельных представителей протестантского лагеря никогда не вело к опале семейства в целом. Можно было начать карьеру мятежником-протестантом и завершить жизненный путь католиком и слугой династии⁷.

Считается, что в середине XVIII в. триумф обретшего барочные формы католицизма был настолько очевиден, что вопрос об обращении в “истинную веру” утерял свою остроту. В самом деле, господствующий класс в Австро-Чешских землях едва ли не поголовно, в Венгрии – в своей значительной части был успешно рекатолизирован. В 1781 г. император Иосиф II (1780–1790) издаст свой знаменитый декрет о веротерпимости, которым

устранит наиболее одиозные формы неравноправия представителей некатолических христианских конфессий. Однако, как пишет австрийский историк Грете Клингенштайн, на протяжении всего XVIII в. терпимость и нетерпимость в религиозной сфере “существовали друг подле друга”⁸. Речь идет не только о Трансильвании, где Габсбурги формально не отменили закон 1568 г. о свободе вероисповедания, или о Венгрии, где законом 1608 г. (впоследствии существенно ограниченным и неоднократно нарушавшимся) запрещались преследования за веру лютеран и кальвинистов. Это справедливо, например, и для Нижней Австрии, где по Вестфальскому миру 1648 г. протестанты дворянского происхождения могли приватно исповедовать свою веру. (Впрочем, с 1629 по 1781 г. ландтаги в австрийских землях прекратили возводить в дворянское достоинство тех, кто исповедовал лютеранство или кальвинизм⁹.) Императрица Мария Терезия видела едва ли не во всех лютеранах шпионов своего заклятого врага – прусского короля Фридриха II (1740–1786), однако не препятствовала своим подданным-протестантам, проживавшим в пограничных районах, посещать церковные службы в сопредельных государствах.

Вот пример того, сколь грамотно, с полной уверенностью в своей правоте и конечном торжестве справедливости венгерская дворянка Юлиана Биро, жена католика Пала Ондрейковича, отстаивала перед лицом властей свое право, оговоренное в брачном контракте, воспитывать детей в кальвинистской вере: “Несомненно, что природа, когда сделала меня родителем моих детей, возложила на меня, таким образом, обязательства и заботу об их пропитании и образовании, причем так, как я считаю нужным, и тем более они [должны быть] воспитаны в тех науках и в той религии, в истинности которых я совершенно уверена”. В канун принятия декрета о веротерпимости она требовала “разрешить, в соответствии с законами королевства, свободно пользоваться правом, как данным от природы, так и полученным в силу брачного контракта, воспитывать детей в своей вере”¹⁰. Иными словами, протестантизм оставался сознательным выбором тех, кто в силу семейной традиции или личных религиозных (и не в последнюю очередь политических) убеждений сохранял верность конфессии, отдавая себе отчет: это влечет за собой поражение в правах и ограничения в карьерном росте.

В то же время, в общественном сознании, прежде всего в сознании “маленьких людей”, не одно десятилетие умело преподносимые церковной пропагандой примеры обращения в католи-

чество, подобные описанному выше случаю Яноша Становского, произвели своеобразный “кумулятивный” эффект. В подданных окрепла уверенность, что обращение в истинную веру может быть с успехом использовано в личных карьерных интересах или во благо собственной семьи. Вопрос о причинах перехода в иную веру традиционно волнует историков, в чьем распоряжении в лучшем случае имеются отрывочные сведения из дневников, переписки и иных источников личного происхождения. Австрийский историк Томас Винкельбауэр озаглавил одну из своих статей “Карьеристы или благочестивые люди? Дворяне-конвертиты в чешских и австрийских землях около 1600 года”. Автор предостерегает от однозначной трактовки проблемы: наряду с прагматиками, желавшими таким образом усилить свои позиции при дворе, и глубоко верующими христианами, отдавшими после серьезных раздумий предпочтение католицизму как в их глазах более целостной и эмоционально привлекательной доктрине, был целый ряд “смешанных” случаев, где присутствовали соображения обоих порядков¹¹.

К сходному выводу на материале 1670-х–1720-х годов пришла австрийская исследовательница Инес Пепер. Она называет противопоставление “искренних” и “оппортунистических” обращений в католичество методологически устаревшим. Осознание того, что католическое исповедание является единственно правильным, не означало, будто новообращенный не понимал: переход в иную веру сулит изменения в материальном положении и социальном статусе. В то же время историк оставляет за людьми той эпохи право – после вдумчивого сопоставления теологических аргументов “за” и “против” – осознанно выбрать католическую веру, потому что, по их убеждению, именно она сулила спасение вечной души¹². Например, судья и сенатор Василий Дамнянович из южновенгерского города Зомбор, говоривший на девяти языках, обладавший познаниями в юриспруденции и камералистике и в свободное время написавший “Новую сербскую арифметику”, в конце жизни отказался от православной веры и перешел в католичество. Он особо подчеркивал свое бескорыстие: “К священной унии меня подвигла не корысть (*ибо я не стеснен в средствах* [здесь и далее курсив мой. – О.Х.]), но единственно понимание того, в каком заблуждении я жил до сих пор”¹³.

Далее в этой статье рассматриваются случаи упоминания об отказе от лютеранских или кальвинистских заблуждений в прошениях, которые соискатели должностей или стипендий подава-

ли на имя монарха, анализируются цели авторов и определяется степень успешности подобной стратегии. Источниками послужили обращения подданных в органы центральной власти Венгерского королевства и Габсбургской монархии в целом. Вопросами распределения королевских стипендий в учебные заведения Венгрии ведали Королевский наместнический совет и совещательный орган при монархе – Придворная канцелярия. Именно они решали, кто из юных конвертитов достоин получить образование за казенный счет. Туда же поступали прошения от подданных, желавших поступить на службу в эти ведомства. Немалый интерес также представляют фонды расположенной в Вене Придворной казенной палаты и фонды ее филиала – Венгерской казенной палаты в Прессбурге. В силу того, что им подчинялись таможенные пункты, соляные конторы, почтамты и прочее, в распоряжении руководства всегда имелось известное число вакантных мест, на которые претендовали желавшие поправить свое материальное положение или совершить “карьерный рывок” обращенные в католичество подданные. Несмотря на то что власти не вели статистики приема конвертитов на службу, эти разрозненные обращения, рассмотренные в совокупности позволяют составить представление о пристальном внимании к этой категории населения в монархии Габсбургов.

Необходимо оговориться, что подобные документы не раскрывают подлинных причин перехода в иную конфессию. Лишь в редких случаях историку удастся дополнить информацию из прошений признаниями в дневниках и частных письмах, раскрывающими побудительные мотивы обращения в католичество. Так, офицер Зоннтаг из пехотного полка графа Антала Каройи в письме к своему командиру просил помочь ему поскорее сложить с себя обер-лейтенантский чин и удалиться в монастырь: “Я пользуюсь случаем открыть Вам ход своих мыслей. Он заключается в том, чтобы отведенные мне Господом годы жизни провести в уединении. Для этих целей я выбрал округу аббатства Санкт-Блез в Шварцвальде, где я, как конвертит, чаю встретить искреннюю приязнь у тамошнего истово-католического населения”¹⁴. Однако даже петиции подданных к властям и документы официального происхождения при всех ограничениях жанра все-таки позволяют составить представление о дискурсивном характере обращения в католичество как весомого или малозначимого аргумента в диалоге подданных с верховной властью.

Можно сказать, обратной стороной дискриминационных мер в отношении не католических конфессий было материальное и моральное поощрение тех, кто решил вернуться в лоно католичества. Со всей очевидностью этот принцип проявился в школьном деле. Там союз Габсбургов с католической церковью привел к тому, что ее самый успешный агент в сфере образования – Общество Иисуса – монополизировало рынок образовательных услуг и, используя доведенные до совершенства методики обучения началам наук и основам христианской веры, взрастило не одно поколение лояльных католиков¹⁵. Умело используя формы мягкой рекатолизации, иезуиты не препятствовали, например, поступлению протестантов в свои учебные заведения, надеясь силой примера убедить их отказаться от ложных вероучений¹⁶. Впрочем, в самое престижное учебное заведение монархии – венский Терезианский коллегиум – за ту четверть века, что им руководили иезуиты, не был принят ни один протестант из Трансильвании: все воспитанники из княжества, аристократы или мелкие дворяне, были католиками или представителями рекатолизированных ветвей своих родов¹⁷.

Ключевой к пониманию проблемы может стать резолюция Марии Терезии, начертанная в 1773 г. на полях меморандума Венгерской королевской канцелярии: “На [королевские] стипендии... предлагать конвертитов, а также сирот и детей снискавших заслуги отцов”¹⁸. Эта частная резолюция, несомненно, отражала и более раннюю практику. Вот пример венгерского дворянина Пала Гашпара Суньоги из комитата Сабольч. В 1751 г. он (в возрасте восьми лет) вместе с отцом принял католичество, а уже в 1754 г. родитель решил попытать счастья и направил императрице петицию о зачислении мальчика в какое-нибудь учебное заведение. Для пушей убедительности отец присовокупил прошение и от имени ребенка. Оно, по всей вероятности, было составлено отцом или опытным стряпчим, ибо одиннадцати летний мальчик, ссылавшийся на полное отсутствие у него образования, вряд ли был в состоянии выразить на латыни следующую просьбу: “Соблаговолите милостиво позаботиться о том, чтобы меня поместили в какой-нибудь королевский фонд и воспитали для службы вашему величеству и августейшему дому”¹⁹. В тот год в венском Хаосовском фонде²⁰ как раз были созданы специальные вакансии для венгерских дворянских сыновей в возрасте от 8 до 14 лет, и Пала Гашпара зачислили туда на казенное довольствие, а на следующий год перевели в Инженерную школу²¹. Оттуда в марте

1758 г. новоиспеченный кадет Пал Гашпар Суньоги оправился на службу в гусарский полк графа Ференца Надашди²².

Конечно же, такая удача выпадала не всем. Большинству приходилось довольствоваться скромными стипендиальными местами в одном из иезуитских конвиктов Венгерского королевства. Власти не вели статистики зачисления конвертитов, но, судя по меморандумам Венгерской канцелярии, не проходило и года, чтобы в тот или иной коллегиум не был принят (или, по крайней мере, рекомендован) конвертит. За многими такими случаями стояли полные драматизма семейные истории. Например, мелкий чиновник соляной конторы в Токае Иштван Уйвари оставил после своей смерти вдову, не пожелавшую отречься от учения Кальвина, с пятерыми малолетними детьми-католиками. Власти положили ей более чем скромную пенсию в 30 гульденов в год при условии, что дети будут воспитаны в католических школах в истинной вере. Императрица собственноручно приписала на полях меморандума: “Докладывать мне каждый год, где находятся дети и как они воспитываются”²³.

Далеко не все конвертиты, получившие образование за счет казны, сделали блестящие карьеры, но королевская стипендия становилась путевкой, которой каждый распоряжался по-своему. Например, в 1779 г. Венгерская королевская канцелярия так отрекомендовала двенадцатилетнего Ласло Ратони из комитата Сатмар: “Конвертит, подающий надежды молодой человек из хорошего дворянского рода, к тому же поддержан кардиналом-примасом”²⁴. Молодого человека зачислили в иезуитский конвикт в Трнаве, затем он четыре года прослужил в пехотном полку графа Эстерхази, два года провел в венгерской дворянской лейб-гвардии в Вене, но в 1792 г. предпочел выйти в отставку и провести остаток жизни (ум. 1824 г.) в родном поместье²⁵.

Рассмотренные не изолированно, а в сравнении с многочисленными прошениями о зачислении на должность, о повышении по службе и о выделении пенсии или единовременного денежного вспомоществования, стипендии для конвертитов предстают и как элемент государственной политики, и как аргументационная стратегия подданных. И. Пепер обратила внимание на то, что в сравнении с другими европейскими (католическими и протестантскими) странами венский двор пришел к осознанию необходимости создать специальный фонд (упомянутую выше Конвертитскую кассу) на полвека позже. Это означает, что спустя сто лет после того, как “конфессиональная эпоха” на континенте, по сути,

закончилась, австрийские Габсбурги в борьбе за конфессиональную однородность подвластного населения по-прежнему прибегали к опробованным инструментам Контрреформации²⁶. Понимая это, просители однозначно рассматривали обстоятельство своего обращения не просто как достойный упоминания факт, но как несомненное преимущество, выделявшее их из общей массы соискателей. Суть предлагавшегося властью прагматичного обмена заключалась в том, что подданные-протестанты пополняли ряды католиков, за что власть компенсировала им моральные и материальные потери (разрыв с родней и окружением, который часто влек за собой лишение доли в наследстве) и “премировала” должностью, пенсией или (не в последнюю очередь) стипендией.

Приравнивание конвертитов в процитированной выше императорско-королевской резолюции к сиротам и детям заслуженных родителей не случайно. Как и во многих других реформах терезианской эпохи филантропия тесно переплеталась с меритократией: поддержкой государства прежде всего пользовались нуждающиеся и достойные²⁷. Просителей-конвертитов можно условно разделить на тех, кто подкреплял свое право на испрашиваемую милость своим стесненным материальным положением, и тех, кто апеллировал к своим заслугам перед династией. На один полюс можно условно поместить трансильванского графа Денеша Банфи – представителя богатейшего и влиятельнейшего рода в княжестве. Испрашивая для себя орден св. Стефана (известного также как “орден за заслуги”), он напоминал, что дед его был первым губернатором Трансильвании, а сам он четверть века служит Габсбургскому дому и даже *стал первым в роду конвертитом*, а посему заслуживает “памятный знак первого христианского короля [Венгрии]”²⁸. На другом полюсе находится многолетняя вдова Антония Шаурот и ей подобные. В ответ на ее прошение о выделении скромного денежного вспомоществования референт Венской придворной казенной палаты написал: “Этой несчастной персоне может быть выделено испрашиваемое, ибо ее заявление не оставляет сомнений в ее крайней нищете... в которую она впадала после отказа от веры и разрыва с родней”²⁹. Само собой разумеется, что между этими идеально-типическими моделями располагался целый спектр смешанных случаев.

Примеры того, как обращение в католичество становилось залогом будущей удачной карьеры, нередки. Акты центральных органов власти в некоторых случаях позволяют весьма детально

восстановить этапы продвижения таких конвертитов по служебной лестнице. Рассмотрим случай Иоганна Георга (Яноша Дёрдя) Мецнера (ум. 1778) – этнического немца и венгерского дворянина из вольного королевского города Бартфа (совр. Бардейов в Словакии), что в комитате Шарош. Впрочем, дворянский род Мецнеров не упоминается ни в одном генеалогическом справочнике, а, следовательно, титул был, по всей видимости, номинальным. Родился Мецнер около 1715 г. в лютеранской семье; где и как он получил образование – неизвестно. В 1737 г. в разгар войны с османами Мецнер поступил секретарем на службу в окружной комиссариат города Кашши (совр. Кошице в Словакии), побуждаемый, по его собственному признанию, “желанием подготовиться к службе в отдаленных землях”³⁰. Такой случай представился в 1739 г., когда граф Карл Аспремонт взял молодого юриста с собой в крошечное графство Рекхайм на границе с Нидерландами, с 1620 г. входившее в состав Священной Римской империи. Там Иоганн Мецнер 21 год прослужил в должности советника, “совершенствовался в публичном и гражданском праве, изучал экономику края и французский язык”, там же в 1743 г., в возрасте 28 лет, он принял католичество.

Было ли это плодом вдумчивого изучения и сопоставления лютеранской и католической доктрин, как в случае с теологом Яношем Становским, или Мецнер решил, что карьеру в католическом окружении лучше делать в качестве единоверца, а не вероотступника? Источники не дают ответа на этот вопрос. Так или иначе, но по возвращении на родину юрист Мецнер ощутил преимущества смены вероисповедания. В 1762 г. в венгерском городе Таркань умер инспектор соляной конторы, и Венгерская казенная палата объявила конкурс на вакантную должность. В соледобывающей отрасли нельзя было рассчитывать на высокое жалование, круг обязанностей требовал высокой самоотдачи, специальных знаний и, не в последнюю очередь, высоких моральных качеств (воровство там не было редкостью)³¹, но это был гарантированный, пусть и скромный заработок и шанс интегрироваться в бюрократическую иерархию. По всей вероятности, кто-то из высокопоставленных покровителей потрудился хлопотать за Мецнера, и венгерские власти, составляя обычный в таких случаях список из трех кандидатов для окончательного утверждения императрицей, поставили Мецнера на первое место, вперед двух других более опытных чиновников, и особо подчеркнули, что он – конвертит.

Подобный выбор удивил Венскую придворную казенную палату, и в меморандуме было указано: “Означенный Мецнер не снискал никаких заслуг в камеральной сфере и, предположительно, не имеет достаточных познаний в соляном деле, каковое, в его-то немолодом уже возрасте, он вряд ли захочет изучать; к тому же он не просто небогат, но не в состоянии внести требуемый для занятия должности залог, да и другим заслуженным чиновникам будет досадно, что предпочтение при назначении на высокие должности отдается не тем, кто многие годы служил верой и правдой, но подобным некомпетентным людям”³². Между тем императрица распорядилась иначе: “Я назначаю предложенного Венгерской придворной казенной палатой Мецнера, учитывая его деловые качества и личные обстоятельства (факт обращения в католичество? – *О.Х.*), что же касается служебных обязанностей инспектора соляной конторы, то их не так сложно изучить и даже весьма просто освоить”³³. Решение в высшей степени неожиданное, ибо отсутствие необходимого опыта и знаний чаще служили причиной отказа.

Вопреки сомнениям чиновников Мецнер быстро вошел в курс дела, доказал свою профессиональную пригодность и полностью освоился в католической среде. В 1769 г., когда освободилась должность начальника соляной конторы в Ронасеке, туда назначили именно Мецнера. К 1777 г. двое из пятерых его сыновей стали католическими священниками, двое поступили на службу в Казенную палату³⁴, самый младший, Йозеф, второй год обучался как конвертит за государственный счет у иезуитов в Трнавe³⁵, дочери были выданы замуж за казначейских чиновников. Мецнер все чаще задумывался о переходе на более высокую и менее хлопотную должность. В прошении на имя императрицы он писал: “В свои 62 года я чувствую, что силы, необходимые для ведения здешнего делопроизводства, начали меня оставлять, а высокая ответственность, связанная с финансовой отчетностью, стала мне в тягость, посему нет у меня иного желанья, кроме как вести более размеренную жизнь, так чтобы употребить для службы вашему величеству все свои силы, а также опыт и знания, накопленные с юных лет на разных должностях, прежде всего в сфере экономики и соляном деле”. Поскольку в казначейской администрации в Марамароше как раз освободилось место ассессора, Мецнер надеялся занять именно эту должность.

Высокое начальство поддержало прошение престарелого чиновника. Вице-президент Венгерской придворной казенной пала-

ты граф Пал Фештетич в пространном сопроводительном письме, уже ни словом не упоминая, что Мецнер – конвертит, воздал должное своему подчиненному: “К Марамарошской казначейской администрации нельзя относиться как ко всем прочим подобным ведомствам, там непременно должны служить люди, в первую очередь весьма искушенные и в высшей степени опытные в соляном деле, знающие процесс, так сказать, изнутри... и я полагаю, что на вакантное место ассессора не найти более способного и сведущего человека, чем означенный проситель Мецнер”³⁶. Впрочем, на новой должности чиновник проработал всего около года: в 1778 г. он скончался³⁷. Его послужной список – свидетельство относительно высокой степени горизонтальной и вертикальной мобильности в монархии Габсбургов XVIII в.: уроженец северо-восточной Венгрии отправляется служить к северо-западным границам Священной Римской империи, возвращается на родину, чтобы в зрелом возрасте освоить новую профессию и занять скромную руководящую должность. Все это было бы немислимо, не перейди Мецнер в католичество, но и не стало бы возможно, не прояви он незаурядных личных качеств.

В судьбе Иоганна Георга Мецнера обнаруживается немало типических черт, присущих историям других конвертитов. Во-первых, это понимание того, что обращение в католичество является заслугой как в глазах подданного, так и с точки зрения властей. Еще более “рельефно”, чем Мецнер, это выразил трансильванский дворянин Мартон Тёвиши. Он добивался скромной должности писца в таможенной конторе, но не смог (по его словам, подвела почта) предоставить копию своего дворянского диплома. В отчаянии, что искомое место может достаться кому-то другому, он писал: “Если бы я даже не был дворянином, хотя дворянство мое не подвергается сомнению (раньше или позже я смогу с Божьей помощью таковое доказать), но мое обращение, милостиво дарованное мне Святым Духом, я точно могу причислить к своим заслугам”. Власти не увидели причин, почему не принять на службу того, кто “помимо других похвальных качеств и заслуг может похвастаться тем, что отказался от кальвинистской и перешел в католическую веру”³⁸.

Во-вторых, в каждом конкретном случае немаловажным обстоятельством становилось покровительство влиятельных аристократов. Если в прошениях Мецнера это читается между строк, то в случае Шамуэля Барани из Дебрецена имя высокопоставленного патрона послужило в глазах властей дополнительной реко-

мендацией при назначении в таможенную контору в Надьвараде (совр. Орадя-Маре в Румынии). Президент Венской придворной казенной палаты писал: “Означенного Шамуэля Барани, который несколькими днями ранее был крещен в Римско-католическую веру в здешней (т.е. венской. – О.Х.) архиепископской часовне, весьма настойчиво рекомендует архиепископ граф Мигацци”. Сам же новоиспеченный конвертит от себя спешил добавить, что жена его с тремя детьми по-прежнему пребывают в заблуждении неистинного учения (*in dem ungerichten Glauben*), но если переселятся из Дебрецена (который современники именовали не иначе, как “кальвинистский Рим”) в Надьварад с его преимущественно католическим населением, то, возможно, последуют примеру супруга и тоже перейдут в спасительную для бессмертной души католическую веру. Мария Терезия наложила резолюцию: “Одобряю. Да будет вместо [Игнаца] Дельпини – Барани, рекомендованный архиепископом”³⁹.

Тем же, кто не мог похвастаться влиятельным патроном, не приходилось рассчитывать на безоговорочное снисхождение к факту обращения в католичество. Молодой венгерский дворянин Жигмонд Петроци в пространном прошении писал: “Я был рожден в Прессбурге, в Венгрии, от родителей-протестантов и воспитан в этой вере, но после того как я по здравому размышлению и по мере взросления увидел, в какой ошибочной вере я живу и какая опасность подстерегает мою душу, по велению совести выбрал для себя лучшее и открыто обратился в римско-католическую веру”. Далее он живописал, как “материнская любовь превратилась в ненависть”, как он “оставлен всем миром только потому, что выбрал истинную веру”. Петроци не просил себе ни пенсии, ни денежного вспомоществования, он надеялся, что “всевозможные науки и различные в родном отечестве необходимые языки” откроют ему путь к скромной оплачиваемой должности, а, по сути, безвыходное положение, в котором он очутился, смягчит сердца тех, от кого зависела его судьба. В конце концов, прошение никому не известного Жигмонда Петроци, как и десятков других безвестных конвертитов, осталось без ответа⁴⁰.

В-третьих, переход в католическую веру каждого отдельного подданного обретал тем больший вес, что тот своим примером подвигал к этому шагу окружающих. Вспомним, что многочисленное потомство Мецнера пополнило ряды католических пастырей и паствы. Ш. Барани тоже не терял надежды склонить к переходу в католичество жену-кальвинистку. Упомянутый выше

М. Тёвиши не без гордости писал: “Со времени моего обращения я Божьей милостью вернул к свету истинной веры двух проповедников, трех горожан, несколько простолюдинов и многих еще верну”⁴¹. Некий Готлоб Эрнфрид Штрекенбах, желавший получить хоть какую-нибудь казначейскую должность, подписывал свои прошения: “Верноподданнейший и всепокорнейший слуга с женой и тремя детьми-конвертитами”⁴².

Какое отношение к найму курьером в Венскую придворную казенную палату Иоганна Мемингера мог иметь тот факт, что его жена-голландка ради мужа перешла в католичество? Между тем, власти считали это обстоятельство не менее важным, чем послужной список: проситель многие годы работал при австрийской дипломатической миссии в Стамбуле, овладел итальянским, голландским и французским языками, изучил ювелирное искусство у золотых дел мастеров в Голландии. Приняв все это к сведению, экспедитор Фердинанд Эрнст Цальхаймб написал: “Сей проситель, явившийся ко мне лично, показался человеком дельным, к которому не может быть никаких претензий, и поскольку он женат на конвертитке, *а таким персонам при каждом случае полагается уделять особое внимание*, не вижу оснований ему отказать [в просьбе]”⁴³.

Власти прекрасно понимали как пропагандистский эффект от каждого обращения в католичество, так и опасности, которые таила поспешность в подобных делах. В 1769 г. бывший кальвинистский проповедник Мартин Силаги из Трансильвании попросил денежное вспомоществование, чтобы получить скромный католический приход. Советники предупреждали Марию Терезию, что “сии конвертиты не полностью покончили с прежними заблуждениями или даже со временем вновь к ним возвращаются”. Однако императрица повелела: “Мое желание, чтобы он его [приход] получил”⁴⁴.

В-четвертых, именно судьбы конвертитов дают примеры высокой горизонтальной мобильности в Европе раннего Нового времени, способности тех, кто сменил веру, адаптироваться к новой культурной и языковой среде. В актах Венской придворной казенной палаты хранятся прошения шведа Иоганна Флориана Дизинга, в 1773 г. обратившегося к властям с прошением об увеличении ему жалования. В 1739 г. в Бреслау (совр. Вроцлав в Польше) он “отверг заблуждения лютеранского учения”, в 1747 г. поступил на службу в Венскую придворную казенную палату. Примечательно, что в петиции на имя главы ведомства он делал акцент на свою

многолетнюю безупречную службу, а в обращении к императрице на сострадание к нему – бедному, больному, недавно похоронившему любимую дочь, а ныне заботящемуся о беременной жене конвертити, который “выдержал суровый экзамен в школе Христовой на право именоваться истинным христианином”. Как чужаку, ему было несравненно труднее добывать даже столь скромный насущный хлеб, и об этом он прямо писал: “Невзирая на все свалившиеся на меня несчастья, я никогда не отягощал высочайшего фиска и, несмотря на многолетнюю службу, ибо нет у меня покровителей, никогда не получал денежного вспомоществования”⁴⁵.

Справедливости ради следует признать, что честолобивые, ловкие и настойчивые просители добивались искомого и без влиятельных покровителей. Показателен случай стряпчего Яноша Сёлёши. К обращению в католичество его подвиг архиепископ эстергомский Миклош Чаки, у которого тот затем многие годы служил финансовым инспектором. После смерти патрона Сёлёши снискал славу ловкого адвоката по делам о недвижимости. Перечисление выигранных им процессов, позволивших бывшим владельцам вернуть поместья, некогда проданные или отчужденные с нарушением (неверным толкованием) действовавших правовых норм, заняло значительное место в его прошении. Впрочем, должность инспектора соляной конторы, которую Сёлёши надеялся испросить у императрицы, требовала специальных знаний производственного процесса и владение тонкостями делопроизводства и финансовой отчетности, в которых адвокат был несилён. Убедить императрицу (как в случае с Мецнером), что проситель быстро овладеет профессией, не удалось, но Мария Терезия собственноручно приписала на полях меморандума: “Что касается ученого и искушенного адвоката Сёлёши, его назначаю внештатным фискальным инспектором по Венгрии и Трансильвании с выплатой ему 500 фл., и да будет при каждом доказанном случае обнаружения казенного имущества [в частном владении] доплачено ему сверх того в соответствии с размером возвращенной в казну собственности”⁴⁶.

Критерии объективной оценки деловых качеств часто рассматривались властями сквозь призму христианского сострадания. Как следствие, одним из распространенных топосов в прошении конвертитов было упоминание (как в случае Петроци) о полном отчуждении от протестантской родни и отсутствии той финансовой и моральной поддержки, на которую мог рассчиты-

вать любой исповедующий “веру отцов”. К подобной аргументации, по понятным причинам, прибегали просители, искавшие решения своих материальных проблем, как это сделал венгерский дворянин Ласло Дравецки. Он, в частности, писал: “Поразмыслив здраво, я совершенно осознанно я отказался от учения Лютера, в котором был воспитан, и недавно в здешней церкви ам-Хоф [в Вене] перешел в единственную дарующую спасение души Римско-католическую веру. Как только моя мать доподлинно об этом узнала, она... отвернулась от меня и вот уже 11 месяцев лишает меня скромного денежного содержания, отчего я ввергнут в крайнюю нищету”. Казенная палата сочла возможным посоветовать императрице “назначить милостивую пенсию, ибо он из-за перемены веры не может рассчитывать на поддержку друзей, к тому же болен и беден, и мать ни в чем ему не помогает”. Лаконичная резолюция Марии Терезии гласила: “100 гульденов”⁴⁷.

В то же время, даже вполне успешный молодой венгерский дворянин, бывший лейб-гвардеец, а ныне писарь при Казначейской администрации в Кашше Элек Околичани, испрашивая себе жалованье секретаря, всячески подчеркивал факт обращения в католичество. Он напоминал, что “из-за перемены вероисповедания покинут всем окружением” и даже подписывался “лейтенант лейб-гвардии в отставке и конвертит”⁴⁸. Прошение было частично удовлетворено: жалованье Околичани повысили, но на должность секретаря назначили более опытного чиновника. Похоже, по складу характера проситель принадлежал к тем, кто при каждой возможности настойчиво просил себе все новые милости, не забывая указывать при этом, что перешел в католическую веру. Однако вся его дальнейшая карьера оказалась результатом здравого рассуждения начальства: достоин ли проситель по своим деловым качествам того или иного назначения, возможно ли в принципе удовлетворить его просьбу?

В то же время практика приема на службу конвертитов не была лишена элементов манипулирования. Конвертиты, подчеркивая факт своего обращения, стремились таким образом достичь партикулярных целей за счет властей. Власти же, не отрекаясь от поддержки и защиты конвертитов, оставляли за собой право решать в каждом конкретном случае, достоин ли подданный испрашиваемой милости. Когда в 1777 г. некий Бернхард Готтлиб Анс попросил, ссылаясь на заслуги отца (чиновника Венской придворной казенной палаты), и факт своего обращения в католичество, принять его в это ведомство кассиром, вице-президент граф

Коловрат категорически воспротивился: “Хотя я до сих пор в подобных случаях всегда отдавал предпочтение смышленным сыновьям подлинно заслуженных и снискавших уважение кассиров, потому что так проще защититься от превратностей и капризов судьбы, в данном случае считаю опасным, если конвертит, чьи достоинства нам пока совершенно неизвестны, получит доступ к кассовым операциям”⁴⁹.

В процессе их диалога постепенно вырабатывались критерии социальной политики, совершенствовались механизмы благотворительности и определялись ее разумные границы. Поэтому когда, например, в 1771 г. супруга барона Ламарре обратилась с прошением о выделении мужу пенсии на том основании, что он – уроженец Вюртемберга, 10 лет назад перешедший в католичество, не имеет средств к существованию, Придворная казенная палата рассудила: “Супруг просительницы никогда не служил по нашему ведомству и вообще не имеет никаких иных заслуг кроме принятия католической веры... посему мы не советуем ее величеству удовлетворять эту просьбу”⁵⁰. Сходным образом, когда в 1777 г. конвертит Бернард Странский, беженец из оккупированной пруссаками Силезии, попросил увеличить ему пенсию, чиновники Казенной палаты постановили: “Поскольку проситель не привел никаких своих заслуг и вообще не обосновал необходимость увеличения ему пенсии, представляется, что ему вполне достаточно одного дуката, что он ежемесячно получает из Тайной казначейской кассы”⁵¹.

Важность описанных выше случаев заключается прежде всего в том, что они относятся к довольно позднему периоду. В исторической науке традиционно считается, что к началу XVIII в. границы между конфессиями более или менее устоялись и переход того или иного подданного в господствующую в данной стране религию потерял в глазах властей свою актуальность. Между тем, для 40-х – первой половины 80-х годов XVIII в. удалось обнаружить около ста петиций к властям с упоминанием факта обращения в католичество в контексте той или иной просьбы (список, разумеется, далеко не полный). Все эти примеры, сколь малочисленными они бы ни были, могут по праву считаться элементом более распространенной практики. Не будет преувеличением сказать, что здесь речь идет о частном случае социального дисциплинирования, ибо явным или негласным выделением этой категории населения власть на протяжении всего XVIII в. сигнализировала подданным о своих ожиданиях и предпочтениях. В то

же время косвенным свидетельством того, что практика поддержки конвертитов переживала во второй половине XVIII в. свой закат, может считать то обстоятельство, что в эти годы в отличие от периода, рассмотренного И. Пепер, практически исчезают с рынка печатной продукции полемические и нравоучительные сочинения, посвященные вопросам перехода в “истинную веру” (Bekehrungsliteratur)⁵².

По мере того как школьное дело все более четко ориентировалось на практические нужды воспитания грамотных подданных, готовых справляться с поставленными государством задачами, привилегированное положение конвертитов в монархии вступало в противоречие с меритократическим требованием повышения общественной полезности каждого гражданина. Важнейшие для судеб национальной школы документы эпохи – “Общий школьный устав” (1773 г.) для Австро-Чешских земель и “Ratio educationis” (1777 г.) для Венгерского королевства – никак особо не выделяют учеников-конвертитов. Реформа (централизация) стипендиальных фондов, проведенная при Иосифе II в 1785 г., также ориентировала комиссии на поддержку таланта и прилежания вне зависимости от вероисповедания. Даже если в будущем тому или иному конвертиту отдавалось предпочтение при зачислении в учебное заведение, решение принималось уже никак не во исполнение монаршей резолюции, а с учетом его успеваемости.

Повышение требований к квалификации бюрократического аппарата также “обесценивало” факт смены вероисповедания. Власти, при прочих равных условиях, от времени принимали конвертитов на чиновничьи должности, однако на деле все чаще отдавали предпочтение иным “целевым” группам: талантливым детям заслуженных родителей или высококвалифицированным протеже влиятельных сановников. Оказание материальной помощи конвертитам постепенно переходило в сферу церковной и частной благотворительности. В начале XIX в. упоминать факт обращения в католичество становится неприкрытым. Сошлемся на архив супруги императора Франца II (1792–1835) – Каролины Шарлоты Августы (1816–1835), взявшей под свой патронат бедняков, вдов и сирот: практически никто из просителей, живописуя свою нужду, не упоминал об обращении в истинную веру⁵³.

¹ Österreichisches Staatsarchiv, Wien. (Далее: ÖStA.) Finanz und Hofkammerarchiv. (Далее: ФНКА.) Hoffinanz Ungarn und Siebenbürgen. Fasz. r. Nr. 908. 16. Apr. 1761. Fol. 376r.

- ² Лиц, перешедших в католичество из протестантских вероисповеданий или иудаизма, в монархии Габсбургов называли “конверсами” или “конвертитам” (*conversi*, *Convertiten* или *Konvertiten*).
- ³ Этот термин ввел в 1906 г. теолог и историк Эрнст Трельч (1865–1923). В 1980-е годы новый импульс к рассмотрению экономических, социально-политических и духовных последствий конкуренции между христианскими конфессиями за монополию в вопросах веры дали работы Вольфганга Райнхарда, Хайнца Шиллинга и др. См: *Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfession, 1500–1650* / Hrsg. von A. Schilling, W. Ziegler. 7 Bde. Münster, 1989–1997; *Die katholische Konfessionalisierung* / Hrsg. von W. Reinhard. Münster, 1995.
- ⁴ *Klueting H. Daskonfessionelle Zeitalter, 1525–1648*. Stuttgart, 1989; *Winkelbauer T. Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter, 1522–1699*. Wien, 2003. Т. 1–2.
- ⁵ В последней трети XX в. в исследованиях, посвященных раннему Новому времени, широкое признание и применение получила теория немецкого историка Г. Эстрайха (1910–1978) о “социальном дисциплинировании”. Он полагал, что этот идеально-типический термин наиболее полно характеризует суть базовых изменений, в раннее Новое время охвативших власть и общество, коснувшихся политической практики и ее идеологического оформления. С одной стороны, ранняя стадия индустриализации сопровождалась диверсификацией форм производства и потребления, вела к появлению новых социальных и профессиональных групп. С другой стороны, общество раннего Нового времени сотрясали религиозные войны и вооруженные выступления сословных “фронт”. В этих условиях возникала объективная потребность как в дисциплинирующем вмешательстве государства в разнообразные сферы человеческой деятельности, так и в сознательно дисциплинированном поведении индивида, в переносе “точки принуждения” внутрь человека. Таким образом, дисциплинированное поведение чиновника и офицера, крестьянина и ремесленника становилось созидательной силой, позволявшей не просто системно упорядочивать жизнь общества, но созидательно ее преобразовывать. См.: *Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze*. В., 1969; *Idem. Strukturprobleme der frühen Neuzeit: Ausgewählte Aufsätze*. В., 1980.
- ⁶ *Herzig A. Der Zwang zum wahren Glauben. Rekatholisierung vom 16. bis zum 18. Jh.* Göttingen, 2000. S. 11–14.
- ⁷ *Evans R.J.W. The Making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700*. Oxford, 1979. P. 157–274.
- ⁸ *Klingenstein G. Modes of Religious Tolerance and Intolerance in Eighteenth-century Habsburg Politics // Austrian History Yearbook*. 1993. Vol. XXIV. P. 3.
- ⁹ *Godsey W.D.Jr. Adelsautonomie, Konfession und Nation im Österreichischen Absolutismus ca. 1620–1848 // Zeitschrift für Historische Forschung*. 2006. Bd. 33, N 2. S. 220.
- ¹⁰ *Magyar Országos Levéltár. (Далее: MOL.) Magyar Királyi Helytartótanács Levéltára*. С 43. *Acta secundum referentes*. Hlavács János. 265. cs. 1780. N 19. Документ хранится в фондах Венгерского королевского наместнического совета, в материалах советника Яноша Хлавача, который в 80-е годы XVIII в. курировал рассмотрение обращений поданных по (меж-)конфессиональным вопросам (решение правовых споров в конфессионально смешанных браках, выделение денежных вспомоществований нуждающимся конвертитам и пр.)

- ¹¹ Winkelbauer T. Karrieristen oder fromme Männer? Adelige Konvertiten in den böhmischen und österreichischen Ländern um 1600 // Frühneuzeit-Info. 1999. Jahrgang 10. H. 1/2. S. 9–20; *Idem*. Fürst und Fürstendiener. Gundaker von Liechtenstein, ein österreichischer Aristokrat des konfessionellen Zeitalters. Wien; München, 1999.
- ¹² Peper I. Konversionen im Umkreis des Wiener Hofes um 1700. Wien, 2010. S. 71–84. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 55). S. 232.
- ¹³ ÖStA. FHKА. Ungarisches Camerale. (Далее – UC.) Fasz. r. Nr. 592. Subd. 2. N 43 ex Aug. 1776.
- ¹⁴ MOL. Károlyi család levéltára. P 398. Missiles. 147. d. N 6588. – Письмо Зоннтага к А. Каройи, 8.VI.1764 г.
- ¹⁵ Bireley R. The Refashioning of Catholicism, 1450–1700. MacMillan, 1999. P. 21–146.
- ¹⁶ Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006. С. 203–207.
- ¹⁷ Ценные сведения о дворянстве Трансильвании содержатся в мемуарах мелкого дворянина Д. Реттеги, а также комментариях издателя Ж. Яко. См.: *Rettegi Gy. Emlékezete méltó dolgok, 1718–1784 / Bevezető tanulmány és jegyzetek* Jakó Zs. Bukarest, 1970.
- ¹⁸ MOL. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. A 39. Acta generalia. 5516/1773.
- ¹⁹ Ibid. A 34. Conceptus referadarum. 132/1754; A 1. Originales referadae. 148/1754.
- ²⁰ Хаосовский фонд (Chaosische Stiftung) – учебное заведение, действовавшее в XVIII в. Вене. Названо в честь барона Иоганна Рихтхаузена фон Хаоса, получившего от императора Карла VI (1711–1740) столь необычную приставку к имени за то, что во время службы по горному ведомству сумел навести порядок в царившем там хаосе. По широко распространенной практике той эпохи учебное заведение содержалось на проценты с капитала, завещанного бароном.
- ²¹ ÖStA. FHKА. Geheimes Kameralzahlamt. Hofzahlamtsbücher. (Далее – HZAB.) Bd. 240 (1755). S. 524, 538.
- ²² Ibid. Bd. 243 (1758). S. 764.
- ²³ Ibid. Hoffinanz Ungarn. (Далее: HFU.) Fasz. r. N 861. 3. Febr. 1756. Fol. 114v.
- ²⁴ MOL. A 39. 5930/1779.
- ²⁵ Hellebronth K. A magyar testőrségek névkönyve, 1760–1918. Bp., 1940. 313. old.
- ²⁶ Peper I. Op. cit. S. 84.
- ²⁷ Хаванова О.В. Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращений на высочайшее имя // Одиссей: Человек в истории: Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С. 230–250.
- ²⁸ MOL. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend. Lajstromozott kérvények. 29. cs. N 155.
- ²⁹ ÖStA. FHKА. Österreichisches Camerale. (Далее – ÖC.) Fasz. r. Nr. 2178. N 40 ex Nov. 1773. Fol. 152r.
- ³⁰ Ibid. UC. Fasz. r. Nr. 592. Subd. 1. N 31 ex Nov. 1777. Fol. 349r.
- ³¹ *Fallenbüchl Z. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században // Levéltári Közlemények.* 1979. 2. Sz. 225–290. old.
- ³² ÖStA. FHKА. HFU. Fasz. r. Nr. 923. 14. Julii 1762. Fol. 187v–188r.
- ³³ Ibid. Fol. 189r.

- ³⁴ Ibid. UC. Fasz. r. Nr. 592. Subd. 1. № 31 ex Nov. 1777. Fol. 349v.
- ³⁵ MOL. A 39. 4778/1775.
- ³⁶ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 592. Subd. 1. N 31 ex Nov. 1777. Fol. 352v.
- ³⁷ Ibid. Fasz. r. Nr. 591. Subd. 1. № 62 ex Aug. 1778. Fol. 10r.
- ³⁸ Ibid. HFU. Fasz. r. Nr. 797. 1. Jan. 1746. Fol. 14r; 43r.
- ³⁹ Ibid. Fasz. r. Nr. 886. 5. Maji 1759. Fol. 45r.
- ⁴⁰ Ibid. Fasz. 865. 28. Junii 1756. Fol. 414–415r.
- ⁴¹ Ibid. Fasz. r. Nr. 797. 1. Jan. 1746. Fol. 14v.
- ⁴² MOL. **Magyar kincstári levéltárak. Magyar Kamarának regisztratórája. E 47. Cancellariae et registraturae necnon postae negotia negotia, item honorifica et gremialia, necnon extraordinaria.** 16.cs. N 132 ex Oct. 1773.
- ⁴³ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 3. Subd. 1. N 102 ex Jun. 1767 (пагинация отсутствует).
- ⁴⁴ Ibid. Fasz. r. Nr. 2142. N 161 ex Dec. 1769. Fol. 68.
- ⁴⁵ Ibid. Fasz. r. Nr. 2143. N 293 ex Jul. 1773. Fol. 217r-v.
- ⁴⁶ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 925. N 13 ex Sept. 1763. Fol. 191r.
- ⁴⁷ Ibid. ÖC. Fasz. r. Nr. 663. “D”, “T”. N 324 ex Aug. 1774. Fol. 265r, 265a/v.
- ⁴⁸ Ibid. UC. Fasz. r. Nr. 591. Subd. 1. N 61 ex Sept. 1773. Fol. 165v.
- ⁴⁹ Ibid. ÖC. Fasz. r. Nr. 2144. Fol. 171v–172r. См. также: *Хаванова О.В.* Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращения на высочайшее имя // *Script/Ogalia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2008. С. 230–250 (Одиссей: Человек в истории).
- ⁵⁰ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2142. N 61 ex Sept. 1771. Fol. 445.
- ⁵¹ Ibid. Fasz. r. Nr. 2144. N 436 ex Maj. 1777. Fol. 186–187r.
- ⁵² Ср. анализ многочисленных сочинений о смене веры: *Peper I.* Op. cit. S. 185–229.
- ⁵³ Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Kabinettskanzlei. Bittschriften. Fasz. 1–25 (1816–1835).